

ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

УДК 33(091)

А.А. ПАСС, П.А. РЫЖИЙ

Современную социально-экономическую ситуацию в России продолжает во многом определять масштабный кризис самоидентификации. Попытки реформирования «реального» социализма, предпринятые в период горбачевской «перестройки», не смогли предотвратить ни окончательной дискредитации коммунистических идей, ни развала Советского Союза. Последовавшие вслед за этим болезненные изменения всего жизненного уклада привели к смене общественного строя в нашей стране. Однако за двадцать лет безраздельного господства либеральных установок эффективные механизмы саморазвития также созданы не были.

Это требует тщательного научного анализа альтернативных хозяйственных форм, которые, как показывает мировая практика, не сокращаются, а, напротив, все возрастают. Тем самым вновь актуализируется исторический опыт существования в России параллельных экономических структур в виде кооперативных предприятий и организаций, ранее свыше 40 лет успешно противостоявших сокрушительному натиску этатистской автократии, а теперь достаточно уверенно чувствующих себя в стихии рынка.

Непредвзятое рассмотрение сущностных основ функционирования самодеятельных производственных ассоциаций, получивших в России наименование промысловых артелей, показывает, что им свойственны, с одной стороны, традиционно-коллективистские черты, заключающиеся в извлечении экономических и социальных выгод из объединения личных средств и трудовых усилий граждан. Этим они кардинально отличаются от частнопредпринимательского и корпоративного капитализма. С другой стороны, кооперация обладает целым рядом характеристик, имманентных индустриальному обществу. Здесь и реализация индивидуальных интересов через широкое распространение обобществляемой частной собственности в товариществах, и коммерческий характер их деятельности, и возможность дрейфа кооперации, в случае достижения ею успеха,

в сторону коллективной капиталистической собственности.

Указанные обстоятельства предопределили неоднозначное отношение к практике кооперативного строительства в нашей стране. Нельзя отрицать, что с первых лет утверждения советской власти в многочисленных правительственных декретах и постановлениях провозглашалась необходимость всемерного укрепления и развития кооперативных объединений трудящихся, совершенствования социальных принципов кооперации. Вместе с тем в реальной жизни отчетливо просматривалось стремление органов государственного управления к национализации кооперативной собственности, как менее развитой, «низшей» по сравнению с «общенародной» ее формой. Именно эта тенденция в конце концов победила. Как известно, в 1960 г. промкооперация была полностью упразднена. Ее предприятия оказались в ведении местных властей, а самые крупные из них переданы совнархозам. Результатом явилась ликвидация большинства из них. Народное хозяйство лишилось существенных объемов производства товаров народного потребления, продукции, требующейся сельскому хозяйству, специфических ремесленных изделий. Были потеряны кадры специалистов, навыки и умения, высочайший профессионализм кустарей, складывающийся и воспитывавшийся поколениями мастеров и их школ; преданы забвению кооперативные, коллективистские навыки ведения хозяйства и управления производством. Госпредприятия стали безраздельными монополистами рынка, что привело к неуклонному росту цен, вымыванию дешевых товаров и полному их исчезновению. Почему политическое руководство страны приняло такое решение? Ответу на этот вопрос и посвящена данная статья.

В начале 1950-х гг. промкооперация СССР (12667 артелей и 1844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро) выпускала 33444 наименования товаров на сумму 31,2 млрд руб. [8; 9; 15]. В ассортимент входили разнообразные

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг. (государственное соглашение 14.Б37.21.0001).

предметы домашнего обихода, в том числе такие сложные, как холодильники, пылесосы, стиральные машины, а также запасные части к ним и к швейным машинам, радиоприемникам, патефонам; мебель; чугунная, эмалированная и фарфоро-фаянсовая посуда; скобяные изделия; детские игрушки; культ-товары; стройматериалы; продукты питания и проч. Многие артели занимались бытовым обслуживанием населения: шили и ремонтировали одежду и обувь, держали химчистки, прачечные, парикмахерские, фотоателье, осуществляли транспортные, погрузочно-разгрузочные и иные сервисные работы. Их доля в данных видах деятельности в отдельных регионах достигала 60–80% [3].

14 апреля 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промышленной кооперации». 21 мая его продублировал Совмин РСФСР [13; 17]. В нем отмечалось, что «в настоящее время многие предприятия промкооперации перестали носить характер кустарно-кооперативного производства и по существу не отличаются от предприятий государственной промышленности. Современный уровень производства этих предприятий и их техническое оснащение требуют изменения формы управления и более квалифицированного технического руководства».

В целях обеспечения дальнейшего увеличения производства товаров широкого потребления, повышения их качества и снижения себестоимости, а также лучшего использования производственных мощностей и усиления специализации наиболее крупные объекты промкооперации передавались в ведение республиканских министерств соответствующих отраслей промышленности и областных и городских Советов депутатов трудящихся, а предприятия торговли и общественного питания — в ведение местных организаций министерства торговли и потребительской кооперации. Сохраняли кооперативную природу артели инвалидов, товарищества, применявшие в основном надомный труд, народные художественные промыслы и т.д., которые по своему характеру не могли быть переданы в ведение государственных органов.

Российское правительство ориентировало Российский промысловый совет — уставную общественную организацию, осуществлявшую хозяйственное руководство артелями, — на всестороннее улучшение бытового обслуживания населения, организацию механизированных предприятий по химчистке одежды, ремонту обуви, мебели, металлоизделий и прочих предметов обихода, а также расширение сети

пунктов для приема заказов. Предусматривалось создание специализированных кооперативов по выпуску оборудования, запчастей, инструмента и материалов для внутренних нужд; заготовке, сортировке, переработке металлоотходов и вторсырья. По РСФСР национализировали 2428 артелей из 8017. Промсистема лишилась 60% всего объема выпуска стройматериалов, 70% металлообрабатывающих мощностей [18, с. 48, 49; 11].

Уральский историк П.Г. Назаров привел убедительные доказательства того, что реорганизация кооперативной промышленности уже в 1956 г. задумывалась Президиумом ЦК КПСС и Правительством СССР как поэтапная ее национализация. Только резко отрицательная и аргументированная позиция по данному вопросу руководства РПС, в частности, зампреда А.П. Заговельева, поддержанная Совмином РСФСР, на время остудила экспроприаторский пыл [7, с. 165–173].

Надо сказать, что центральные власти опасались проявлений массового недовольства среди членов артелей. Об этом свидетельствует такой факт. Отчетно-выборные собрания уполномоченных областных промысловых советов по России по уставу должны были сзываться раз в два года. Предыдущее, третье по счету, состоялось 7 мая 1954 г. Поэтому в мае 1956 г., т.е. сразу после принятия «судьбоносного» решения, готовились провести четвертое. Однако РПС разослал на места циркуляр о продлении полномочий действующих промсоветов, а заодно и правлений низовых кооперативов еще на год [31].

Редакция журнала «Промысловая кооперация» в передовой статье, напечатанной в № 5 за 1956 г., успокаивала своих читателей, убеждая их в том, что передача ряда предприятий в госпромышленность не дает никаких оснований к ликвидаторским настроениям, которые имеют место среди отдельных руководителей и работников кооперативных организаций. Напротив, освобождение от сложных забот, связанных с управлением и материальным обеспечением производственной деятельности крупных артелей, поможет им полностью сосредоточиться на бытовом обслуживании трудящихся.

Беспокойство власть предержащих было напрасным. «Реорганизация» прошла спокойно. Труженики промкооперации продолжали самоотверженно работать и выполнять задачи, поставленные перед ними партией и правительством. Поскольку итоговые цифры 1956 г. по понятным причинам не являются репрезентативными, приведем данные из отчетного доклада правления челябинского

облпромсовета о финансово-хозяйственной деятельности в новых условиях, т.е. за 1957 г. — юбилейный год 40-летия советской власти.

Промысловики искренне радовались успехам страны в науке и технике: изобретению «межпланетной» (так в документе — прим. авторов) баллистической ракеты, «самого быстроходного в мире» реактивного самолета Ту-104, запуску искусственных спутников Земли, постройке уникального атомного ледокола «Ленин» и рапортовали о своих победах. Годовой план по валу они выполнили на 110,3%, выдав продукции на 122 117 тыс. руб. Из 60 артелей только 4 не справились с заданием. По некоторым видам ассортимента прирост был весьма значительным. Так, по валенкам он составил 55%, трикотажу — 36%, коврам — 30%, кирпичу — 26%, мебели и обуви — 16%, индивидуальному пошиву — 13%, однако из 16 наименований уложились в наметки только по 11. И это — «при напряженном положении с фондовым сырьем и материалами».

Количество мастерских увеличилось с 505 до 556, было введено в строй 2 комбината и 8 павильонов бытового обслуживания общей площадью 1900 квадратных метров. Кооператоры получили от РПС 300 единиц оборудования и транспорта на 1055 тыс. руб. Производительность труда поднялась на 18,3%, выработка на 1 рабочего достигла 18270 руб. (рост на 1330 руб.) при снижении себестоимости на 3,6% (ориентир — 2,2%). В магазины области поступило 27 видов новых изделий, в том числе стулья венские, шкафы книжные, этажерки, модельный ряд дамских платьев и костюмов, обуви и т.д.

Значительно укрепилось финансовое состояние системы. Накопления выразились в сумме 18 млн руб., больше, чем ожидалось на 2,4 млн руб. Излишек оборотных средств превысил 2,3 млн руб., вдвое сократились остатки готовой продукции. Внутрисистемные поставки ресурсов выросли против плана на 21,6% [32]. Но и эти показатели отнюдь не обеспечивали товарного изобилия. В 1957 г. на душу населения в регионе производилось мебели на 25 руб., обуви 0,8 пары, валенок 0,11 пары, пива 7 л., кондитерских изделий 5 кг [33]. По-видимому, прав А.В. Иванченко, заметивший, что «потребительский минимализм», сформировавшийся как специфическая черта советской повседневности еще в начале 1930-х гг. и подразумевавший стремление населения к удовлетворению прежде всего самых насущных потребностей, даже спустя четверть века сохранял значение поведенческого императива [2].

А как же на этом фоне выглядели те «крупные и хорошо оснащенные» кооперативные предприятия, которые превратились в государственные? Ответ на данный вопрос дает анализ стенограммы II сессии Челябинского облсовета депутатов трудящихся 6-го созыва, открывшейся 25 июля 1957 г. Народные избранники рассмотрели меры по дальнейшему развитию и улучшению руководства промышленностью местного подчинения. Слово предоставили Лазареву — директору троицкой швейной фабрики, которую объединили с профильной артелью, в результате чего производственные мощности выросли в 2,5 раза.

Вот что он рассказал. Несмотря на ввод новой техники, план I полугодия фабрика выполнила лишь на 88,5%. На 800 человек персонала оказалось 4 технолога со школьной скамьи, совершенно не имеющих опыта, и ни одного механика. Промысловиков, ранее специализировавшихся на индивидуальных заказах, поставили к конвейеру на массовый пошив. Их надо было обучать, но лимитов на учеников не утвердили, и всех новичков зачислили в мастера. Как следствие — перерасход заработной платы и выпуск бракованной продукции.

Главный инженер Шутов, самоучка, кое-как справлялся с обязанностями, пока госпредприятие было малым. Управление легкой промышленности помощи в подборе кадров не оказало, но разместило объявление в газете о том, что должность главного инженера вакантна. Шутов опустил руки и совсем перестал работать. Из обкома профсоюза прибыли с проверкой и заявили о некомпетентности администрации, не способной ликвидировать простои. «Узкие места» в действительности объяснялись перебоями в снабжении подкладочными тканями, нужда в которых возросла пропорционально скорректированному в сторону увеличения заданию. В довершение всех бед возникли трудности с подключением новых мощностей к электросетям из-за нехватки проводов. С похожими проблемами столкнулись магнитогорцы. В городе закрылись популярные ателье, так как власти организовали одну большую фабрику, куда перебросили закройщиков и швей. Народ начал роптать [30].

В других регионах страны наблюдалась та же картина. В Вологодской области после передачи артелей в местпром прекратилось производство ягодных экстрактов, соков, бочко-тары, деревянных колес, предметов обихода. В Кемерово, Алтайском и Красноярском краях перестали делать смолу и пихтовое масло (сырье для камфоры), и сибирская медицина

осталась без эффективного препарата [23]. Как тут не вспомнить народную мудрость: «красиво было на бумаге, да забыли про овраги».

В феврале 1957 г. произошло очередное важное нововведение. Пленум ЦК КПСС принял решение об упразднении отраслевых министерств и переходе к территориальному принципу управления по экономическим административным районам с образованием советов народного хозяйства (совнархозов или СНХ). На майской сессии Верховного Совета СССР звучали предложения о передаче в их ведение не только заводов союзно-республиканского подчинения, но также объектов местной и кооперативной промышленности. Н.С. Хрущев эти предложения отверг, опасаясь ослабления внимания СНХ к развитию отраслей [1]. В отсутствие Минместпрома вся тяжесть непосредственного руководства райпромкомбинатами и вчерашними артелями легла на плечи областных управлений, трестов, плановых органов и исполкомов Советов.

Несмотря на то, что в структуре последних существовали профильные отделы, курировавшие их работу, заменить собой министерства и главки они не могли. Это и понятно, ведь под эгидой облисполкома летом 1957 г. уже находилось 300 предприятий с объемом производства 2200 млн руб. и 30 тыс. рабочих. Учитывая данное обстоятельство, зампред челябинского ОИК Мамонтов выступил с инициативой организации в крае аналога Совнархоза — Совета местного хозяйства (совместхоза или СМХ) с возложением на него функций по руководству региональным сектором экономики и создании при нем областного управления снабжения и сбыта. Одной из главных задач нового подразделения должно было стать «выбивание» в республиканском Госплане фондов на сырье, оборудование, капстроительство. Облсовет идею одобрил и направил ходатайство в Правительство РСФСР [29].

В недрах Совмина России быстро родился проект постановления «Об организации управления промышленностью местного подчинения». В его подготовке приняли активное участие главный плановик Н.К. Байбаков и вице-премьер Д.И. Алехин. 13 июля 1957 г. они обратились за согласованием в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Параллельно председатель РПС А.К. Зернов послал записку секретарю ЦК А.Б. Аристову с возражениями против реализации данного проекта. Они сводились к следующему: нарушались внутрисистемное снабжение и общность финансового хозяйства артелей (ФДК), могущие повлечь упадок производства товаров народного потребления.

Дело в том, что в промысловой кооперации имелись товарищества, например, «Завод № 15» в Кыштыме (Челябинская обл.), занимавшиеся изготовлением разнообразных станков, приспособлений, спецоснастки, которые затем по разнарядке поступали «в города и веси». То же самое касалось огромной номенклатуры вспомогательных материалов для мастерских бытового обслуживания. Зачастую поставки носили «штучный» характер, и никакой государственной «снаб», привыкший оперировать вагонами и контейнерами, выполнить бы их не смог. А кооператоры научились учитывать «мельчайшие особенности каждого местечка и каждого месяца работы» (А.В. Чаянов) и использовать для этого транзитные перевозки. Записка завершалась просьбой сохранить облпромсоветы с двойным подчинением: исполкомам и Роспромсовету, а также подтвердить полномочия РПС по материально-техническому обеспечению и планированию производства в артелях. С этими доводами в ЦК КПСС неожиданно согласились [26], хотя строптивый Зернов сразу же, по настоянию Алехина, был перемещен из Роспромсовета на хозяйственную работу в Ленинград.

Случай, прямо скажем, неординарный: председатель общественной организации «переиграл» правительственных чиновников первого эшелона! Почему так произошло, станет понятно, если принять во внимание политический контекст. В июне 1957 г. Н.С. Хрущев едва не лишился поста Первого секретаря ЦК КПСС. Против него открыто выступили члены Президиума ЦК В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков и др., которые критиковали проводимые экономические реформы «за необдуманность и волюнтаризм». Многие обвинения являлись справедливыми. Даже один из самых верных сторонников Никиты Сергеевича — А.И. Микоян спустя годы вынужден был это признать. В своих мемуарах он писал: «...сколько же органов новых Хрущев придумал, сколько старых распустил, перестроил!.. Потом и новые распускал и создавал другие. Людям на местах, наверное, невозможно было уследить за этой чехардой. И невозможно было работать нормально. Ведь достаточно в одном учреждении постоянно менять руководителя, как оно дезорганизуется. А тут еще хуже — новые учреждения с другими правами и функциями. И, конечно, другие руководители. И так почти каждый год! Экономические меры и стимулы он серьезно не понимал, а ведь умный был человек. Но не хватало образования, политического

опыта, глубины подхода. Все его перегибы – ... результат неспособности обдумывать вопросы со всех сторон [5].

Прохрущевским силам удалось консолидироваться и на июньском Пленуме ЦК партии одержать победу над консерваторами. Следующие полгода ушли на переформатирование вертикали высшей партийной власти и удаление из нее как скомпрометировавших себя «сталинистов», так и некоторых чересчур влиятельных «сторонников», например, Г.К. Жукова. «Мелочи» типа промысловой кооперации отошли на второй план. Ранее «освобожденную» от крупных артелей систему ненадолго оставили в покое, предоставив возможность развиваться на собственной, пусть и суженной, основе.

Тем временем РПС возглавил заместитель Зернова А.П. Заговельев. В октябре 1957 г. нового председателя пригласили в качестве почетного гостя на съезд Центрального совета кооперативов Чехословакии, где присутствовали делегации соцстран, Англии, Италии, Германии. По приезду в Москву Заговельев сообщил российскому премьеру Д.С. Полянскому, что в стране, откуда он вернулся, государство, минимально контролируя деятельность промкооперации, обеспечивает ее необходимыми стандартными деталями, из которых по индивидуальным заказам изготавливаются прекрасные вещи. Продаются эти изделия по свободным рыночным ценам, т.е. достаточно дорого, но, тем не менее, моментально раскупаются населением [24].

В декабре 1957 г. новый глава Роспромсовета направил письмо стремительно набравшему тогда политический вес кандидату в члены Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлову с просьбой воспрепятствовать дальнейшей передаче артелей в госпромышленность [6]. Похоже, таким образом кооперативный лидер демонстрировал свое видение перспектив экономического развития вверенного ему сектора. К нему прислушались. Реорганизационный зуд приутих, что самым позитивным образом отразилось на деятельности промысловиков.

Это хорошо иллюстрируют южно-уральские материалы. В 1958 г. по сравнению с предыдущим годом валовое производство в Челябинском облпромсовете увеличилось на 26%, численность рабочих – на 17%, средняя выработка на 1 занятию – на 6%, прибыль – почти на 30% при снижении себестоимости на 3,1%. Из 74 артелей осталось всего 3 убыточных. Локомотивами роста стали такие отрасли, как мебельная (140%), бумажно-полиграфическая (158%), художественная (179%),

культуварная (157%), ремонтно-бытовая (121%) и др. Из 41 наименования планируемого РПС и ОИК ассортимента задание было выполнено по 30. Раскрепостилась рационализаторская мысль: 158 внедренных рацпредложений обеспечили экономию 523,2 тыс. руб. Нашли применение новые технологические решения, связанные с переходом «на поток» при изготовлении мебели и пошиве верхней одежды. Было освоено 53 новых вида изделий, среди них: люстры, комоды, ковры, оконная фурнитура, сложный садовый инвентарь, модные модели костюмов и туфель, детские игрушки. Практически прекратились рекламации от торгующих организаций [28].

Но передышка длилась недолго. Уже в апреле 1959 г. министр финансов СССР А.Г. Зверев предпринял очередную атаку на кооператоров. То, что закоперщиком выступил именно он, вполне закономерно. Взаимоотношения промысловой системы с бюджетом строились следующим образом: около 60% всех денежных поступлений изымалось в государственную казну в виде налога с оборота, подоходного налога, налога на строения и земельной ренты (получателями двух последних платежей являлись исполкомы местных советов). Оставшаяся часть, принятая за 100%, распределялась по нормативам, согласованным между СМ РСФСР и РПС.

В исследуемый период статьи расходов выглядели так: 48% – в основной фонд артелей, 20% – в централизованный фонд долгосрочного кредитования (ФДК), 6% – на физкультурно-спортивную работу, 5% – в фонд улучшения быта, 1% – в фонд премирования и 20% – распределение среди членов товариществ. В возможность использовать собственную прибыль заключалось главное преимущество промкооперации по сравнению с госпредприятиями, где без санкции высокого начальства нельзя было потратить ни рубля.

Средства ФДК к середине 1950-х гг. исчислялись огромной суммой 6,5 млрд руб. [18, с. 22]. Они хранились в Торгбанке – Всесоюзном банке финансирования капитального строительства торговых и кооперативных предприятий. Оборотные средства и амортизационные отчисления (1,9 млрд руб.) аккумулировались в Госбанке СССР. В 1956 г. передаваемым в государственность артелям (наиболее технически оснащенным!) «простили» их задолженность по ФДК перед Роспромсоветом. Последний также обязали бесперебойно оплачивать все их расходы в течение следующего года [12]. Огромные суммы росчерком пера плавно перетекали в государственный карман.

На этом присвоение кооперативных денег не закончилось. Несмотря на то, что Центропромсовет был в том же году распущен, финорганы продолжали взимать с промышленников платежи в ФДК ЦПС и использовать их теперь уже на нужды госпромышленности. А после ликвидации в конце 1957 г. Торгбанка так называемые «излишки» ФДК промкооперации России в сумме 1,2 млрд руб. и «бесхозные» деньги ЦПС (еще 2,2 млрд руб.) принудительно превратили в облигации госзайма. И, наконец, тогда же республиканский Совмин, с одной стороны, распорядился поднять зарплату кооператорам, а Минфин РСФСР, с другой стороны, запретил использовать такой источник ее повышения как плановая прибыль, рекомендовав Роспромсовету выполнить правительственное решение за счет внутренних резервов, т.е. сверхплановых накоплений [7, с. 101, 102].

Эти командно-административные «ножницы» выстригли основательные бреши в кооперативных финансах. Но жизнеспособность промсистемы просто поражала. Приспособившись к понижательному тренду в государственном ценообразовании [25] и выдержав частичную национализацию 1956 г., она подняла зарплату и пенсии своим членам и нашла способ компенсировать потери от конфискации. Своей витальностью, секрет которой крылся в органической связи с рынком, и «непрогрессивностью» (само название «промысловая кооперация» пришло, как будто, из глубины веков) она невольно провоцировала коммунистических чиновников на окончательный реванш.

Претензии Минфина к артельщикам министр А.Г.Зверев не преминул довести до сведения ЦК КПСС и СМ РСФСР. По его мнению, промкооперация утратила социальную базу для развития, поскольку необобществленных кустарей в стране больше не осталось; работая на государственных фондах, недостаточно использовала местное сырье; неудовлетворительно обслуживала население бытовым ремонтом; получала сверхприбыль, которую распределяла нерационально; олицетворяла собой противоречие между общенародным характером собственности и групповым ее использованием. Лекарство от этих бед виделось ему в окончательном упразднении производственных кооперативов и передаче их имущества в ведение государственных органов. Проекты соответствующих постановлений прилагались [19].

А.П.Заговельев отреагировал моментально. В письме премьеру России Д.С.Полянскому он

в полемической манере, оперируя конкретными цифрами, показал некорректность выдвинутых упреков. Так, по данным Центрального статистического управления за два последних года в промысловые товарищества были приняты 508 тыс. человек и, тем не менее, свыше 50% всех работ по индпошиву и ремонту одежды и обуви по-прежнему осуществлялось некооперированными кустарями-частниками. В 1958 г. продукция артелей из местного и вторичного сырья, отходов крупных заводов в валовом выражении составила 6 млрд руб. или 35%. Кроме того, до 20% объема выпуска промысловые товарищества выработали из собственных материалов, поставляемых в порядке межобластного внутрисистемного снабжения. При ликвидации кооперативных предприятий эти сложные схемы неизбежно нарушились бы.

Далее, анализируя расходование прибыли, глава РПС показал, что свыше 2/3 накоплений реинвестировались в производство, и акцентировал внимание партийного и государственного деятеля на преимуществе промкооперации, которое заключалось в возможности перераспределять ФДК в порядке взаимопомощи в те регионы, где собственные средства артелей ограничены. Именно это, по его мнению, обуславливало более высокие, чем в местной промышленности, темпы развития (за I полугодие 1959 г. — 15,1% против 9,6%).

Что же касается распределения прибыли, то даже с учетом дополнительных выплат члены кооперативов получали в среднем 545 руб. в месяц (в местпроме — 703 руб.) и облагались подоходным налогом по ставке на 10% выше той, которая применяется в отношении рабочих и служащих госпредприятий. В заключение Заговельев рассказал, как промысловики на свои деньги организовали несколько научно-исследовательских институтов и десятки образовательных учреждений, чего никогда не мог себе позволить местпром [20].

Его доводы поддержал союзный Госплан, добавив, что в промкооперации сосредоточено свыше 50 тыс. мелких цехов и мастерских, в том числе на селе, в которых, наряду со здоровыми людьми, трудятся 275 тыс. инвалидов и пенсионеров, 92 тыс. надомников [21]. В результате еще одна попытка покончить с «неправильным» укладом завершилась неудачей. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмин России в апреле 1959 г. отказали Министерству финансов СССР в просьбе о преобразовании промкооперации.

По-видимому, в партии на тот момент возобладал умеренно-прагматичный подход, который нашел отражение в документах

ее внеочередного XXI съезда, проходившего в Москве 27 января — 5 февраля 1959 г. В контрольных цифрах развития народного хозяйства страны на ближайшие 7 лет появился новый раздел «Производство предметов домашнего обихода». Там говорилось, что значительная роль в деле дальнейшего увеличения производства предметов народного потребления и улучшения бытового обслуживания населения принадлежит предприятиям местной и кооперативной промышленности. Они должны шире использовать местные источники сырья, совершенствовать технику и технологию производства, за счет чего резко улучшить ассортимент и качество товаров [4].

Данная директива была конкретизирована в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР № 245 от 6 марта 1959 г. «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения» [36]. В нем признавалось, что во многих городах и рабочих поселках сеть кооперативных предприятий недостаточна, и даже в крупных селах, удаленных от райцентров, нет никаких ремонтных, пошивочных мастерских и парикмахерских. За 1959–1961 г. предполагалось увеличить количество предприятий, предоставляющих бытовые услуги, с 79,6 тыс. до 153,3 тыс. единиц и объем работ — с 6,2 млрд руб. до 10,3 млрд руб. Артелям разрешили выкупать арендуемые ими здания, получать кредиты в Сельхозбанке с единовременными затратами до 800 тыс. руб. на срок 1–6 лет под строительство пунктов бытового обслуживания, а также приобретать в розницу инструменты, запчасти, нитки, подкладочную ткань, пуговицы, лаки, краски и проч. Ожидалось, что товарищества в массовом порядке будут готовить кадры швейников, обувщиков, мебельщиков, металлистов и широко привлекать к работе надомников [14].

Постановление отличалось взвешенностью, подчеркнутым дистанцированием от идеологизированных формулировок, и отвечало актуальным задачам совершенствования социальной инфраструктуры, отставание которой от потребностей общества приняло угрожающие размеры. Из докладной секретаря Челябинского обкома Н. Лаптева Центральному комитету партии, датированной 2 января 1959 г., явствовало, что на Южном Урале на 3 тыс. человек приходилось 1 предприятие бытового обслуживания, а на 375 душ — один мастер-«универсал». Сумма выполненных заказов в расчете на каждого жителя составляла 38,7 руб. в год, из них: индпошив одежды — 20,27 руб., ремонт мебели — 11 коп., химчистка — 37 коп., фотография — 2,94 руб.,

парикмахерская — 7,72 руб. И все! 70% указанных работ выполняла промкооперация, при этом она имела лишь 26 тыс. квадратных метров полезной площади при минимально необходимых 130 тыс. метров [27].

А ведь требовалось срочно налаживать сервис сложной бытовой техники, например, холодильников, стиральных машин, мотоциклов, личных автомобилей, которых в пользовании у граждан становилось все больше. Остро стоявшая проблема с запчастями решалась крайне медленно, к тому же отечественная промышленность к концу исследуемого десятилетия выпускала 60 марок часов, 100 типов радиоприемников, 20 разновидностей телевизоров, и к каждой вещи нужны были специальные детали. Государство в принципе не могло эффективно справляться с таким обилием ежедневно возникающих частных вопросов, и безрадостное положение в сфере обслуживания образца 1960-х — 1980-х гг. прекрасно это иллюстрирует.

Конечно, и у артельщиков хватало трудностей. О некоторых уже упоминалось выше. И все же количественные и качественные изменения к лучшему, произошедшие в повседневной жизни советских людей к концу 1950-х гг., в немалой степени объясняются тем, что в структуре экономики тех лет заметное место занимала промкооперация. Челябинские промысловики в последний календарный год своего существования план работ для населения выполнили на 102,1% (в суммарном выражении — 68670 тыс. руб., рост по сравнению с 1958 г. на 14%), открыли 105 мастерских, в том числе 10 комбинатов и павильонов бытового обслуживания, доведя их число по области до 875. С целью механизации трудоемких процессов ввели в строй 373 единицы оборудования. Ими были освоены новые виды услуг — починка в присутствии заказчика и с выездом на дом. Заявки принимались также на заводах, в учреждениях и общежитиях. Для ремонта бытовой техники к клиентам стали приезжать на специальных автомашинах передвижные бригады. Дополнительные издержки не помешали снижению прейскурантных цен на 5%. Облпромсовет подготовил на учебно-курсовой базе 500 квалифицированных портных, столяров, фотографов, парикмахеров, пимокатов и т.д. В практику вошли сезонные смотры модных моделей одежды и обуви с последующей распродажей представленных экземпляров [37].

Изменения к лучшему наблюдались повсеместно. Это дало повод А.П. Заговељеву на III съезде уполномоченных в феврале

1960 г. уверенно заявить о том, что ближайшие 15 лет будут периодом дальнейшего укрепления промкооперации, что в проекте Генеральной перспективы развития народного хозяйства до 1975 г. намечен постепенный переход к единой общенародной собственности, но не путем свертывания промышленной системы, а в результате повышения уровня ее обобществления [6].

А 20 июля 1960 г. совершенно неожиданно Пленум ЦК КПСС предписал передать все кооперативные предприятия в ведение государственных органов с одновременным упразднением Роспромсовета [10]. Документальных свидетельств о подготовке или обсуждении данного решения исследователи не обнаружили до сих пор. Интервью, взятые П. Г. Назаровым в 1990 г. у современников тех событий, бывших: председателя Центропромсовета А. Е. Петрушева, главы Мосметпромсоюза В. Г. Лосева, преподавателя Высшей школы промкооперации Е. Э. Бейлиной, позволяют заключить, что принято оно было под влиянием сиюминутного настроения. Якобы на одном из высоких партийных совещаний зашел разговор об отдельных недостатках в деятельности артелей. Слово взял А. И. Микоян и устало предложил: «А давайте совсем их ликвидируем». Предложение было сразу принято [6, с. 100]. Для промышленников это явилось полнейшей неожиданностью, о чем косвенно свидетельствует такой факт: в планово-экономическом управлении Роспромсовета в 1960 г. были составлены расчетные таблицы проектировок по валовой продукции на период 1960–1980 гг. [22].

Последнее заседание челябинского ОПС состоялось 1 октября 1960 г. На нем кооперативные предприятия со всеми активами и пассивами, текущими и дополнительными заданиями по производству, капвложениям, труду, себестоимости, материально-техническому снабжению, обязательствами по поставкам, финпланами и сметами перешли под эгиду совнархоза и областных управлений местной промышленности и бытового обслуживания ОИК. Облпромтехснаб с принадлежащими ему складами и материальными ценностями присоединили к главснабблизполкома. Члены товариществ получили на руки паевые взносы и полагающуюся им часть прибыли [34]. На этом завершилась история промышленной кооперации в Челябинской области и в Советском Союзе.

Истинные причины ликвидации промышленных кооперативов станут понятны, если учесть, что концентрация на бытовом

обслуживании — специфической отрасли народного хозяйства, рыночный характер которой невозможно было директивно «отменить», открыла перед промкооперацией новые горизонты развития. Только за два с половиной года, с апреля 1956 г. по октябрь 1958 г., объем предоставляемых кооперативами услуг вырос в денежном выражении с 8566 тыс. руб. до 14480 тыс. руб., или в 1,7 раза! И эта тенденция в дальнейшем лишь усиливалась. По данным областного финансового отдела в течение III квартала 1960 г. прибыль южноуральских артелей от хозяйственной деятельности, связанной с услугами населению, увеличилась с 13648 тыс. руб. до 20950 тыс. руб., то есть более чем на 1/2. При экстраполяции цифра должна была составить 216% в годовом исчислении! Системный характер отмеченной позитивной динамики подтверждали промышленные товарищества Магнитогорска (136%) и Златоуста (168%) [35]. Без преувеличения можно сказать, что ни одна отрасль не достигала подобной рентабельности накануне своего упразднения. Вероятно, в этом и заключается разгадка ее поспешной национализации. В пользу данного аргумента говорит и то, что именно в 1957 — начале 1960-х гг. начался очередной этап усиленного финансирования оборонно-промышленного комплекса, и государство очень нуждалось в дополнительных финансовых ресурсах [16].

Таким образом, политическая необходимость существенно поднять жизненный уровень народа при сохранении высокого градуса мобилизационного накала в экономике побудила власти активизировать работу промышленности местного подчинения, и, в частности, промышленной кооперации, что и предопределило не долгий «ренессанс» кооперативной промышленности. Однако впечатляющие успехи кооперативного сектора породили глухое недовольство и раздражение партноменклатуры. В его укреплении она увидела вызов своему безраздельному господству. Поэтому с учетом реалий того времени судьба негосударственного уклада была предрешена. Началась его поэтапная национализация.

Удивительно, но в условиях тотальной монополии коммунистической партии на власть и непререкаемого авторитета фигуры, занимающей пост ее Генерального секретаря, процесс растянулся на долгие четыре года. Это лишний раз подтверждает эффективность многоукладной и разноформатной экономики даже при догоняющей модернизации в индустриальной стадии роста. Победа тех, кто ратовал за доктринальную чистоту, оказалась пирровой.

Впоследствии она спровоцировала затяжной социально-экономический кризис потребления, который явился одной из причин крушения второй сверхдержавы мира — СССР.

Тогда, во второй половине 1950-х гг., для того чтобы обогатить политэкономия социализма концепцией «смешанной экономики», требовались недюжинные смелость и ум. Несмотря на достаточное количество эмпирических фактов, свидетельствующих о полезности и эффективности малых негосударственных предприятий, людей, интеллектуально способных к теоретическим новациям и не боящихся рисковать карьерой ради их продвижения, среди высокопоставленных функционеров «хрущевского» периода, увы, не нашлось.

После окончательного огосударствления производственных кооперативов в 1960 г. страна обрела стерильную, в смысле соответствия идеологическим стереотипам, народно-хозяйственную структуру. В итоге коллективное предпринимательство, всячески третируемое режимом, но ранее институционально терпимое, оказалось под запретом. Общественные представления о его положительных, а равно отрицательных сторонах, были утрачены. Именно это обстоятельство закрыло возможность построения в России «народного» капитализма в ходе реформ 1990-х гг. и сделало возможным «грабительскую» приватизацию, которая привела страну к всемогуществу олигархических кланов.

1. Заседания Верховного Совета СССР: стенографический отчет. М., 1957. С. 28–31.
2. Иванченко А.В. «Экономика дефицита»: основные причины дисбаланса спроса и предложения на потребительском рынке СССР [Текст] / А.В. Иванченко // Урал индустриальный: Бакунинские чтения / Материалы X юбилейной Всероссийской научн. конф. в Екатеринбурге 27–28 сентября 2011 г. Т. 2. Екатеринбург, 2011. С. 295.
3. История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980. С. 489.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.9. 1956–1960. М. : Политиздат, 1986. С.353.
5. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М. : Вагриус, 1999. 632 с. // Военная литература (мемуары) / URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html>. (дата обращения: 13.11.2011).
6. Назаров П.Г. История российской промысловой кооперации. 1799–1960. Челябинск, 1995. С.99.
7. Назаров П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 1991.
8. Плановое хозяйство. 1951. № 4. С. 53.
9. Промысловая кооперация. 1955. № 6. С. 6.
10. Промысловая кооперация. 1960. № 9. С. 1.
11. Промысловая кооперация. 1957. № 2. С. 9.
12. Промысловая кооперация: сборник руководящих материалов. М. : КОИЗ, 1958. С. 8–13.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953-1961. М. : Политиздат, 1968. С. 297–302.
14. Собрание постановлений правительства СССР. 1959. № 5. Ст. 30.
15. Социалистическая кооперация: история и современность. М. : Наука, 1989. С. 188.
16. Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI. – 2002. – №5. – С. 87.
17. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1954–1956. М. : Госюриздат, 1959. С. 458–459.
18. Яковлев П.И. Промысловая кооперация СССР. М. : КОИЗ, 1957. С. 22.
19. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 27, 28, 93–98.
20. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 36, 37, 39.
21. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 8,9.
22. ГАРФ. Ф.396. Оп. 1. Д.2454. Л. 2–80.
23. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3368. Л. 30.
24. ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д.3363. Л. 15–17.
25. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 31. Л. 77.
26. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 96. Л. 46–51.
27. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 266. Л. 113, 114.
28. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 200. Л. 14, 20, 22, 24, 25; Д. 222. Л. 129, 130, 134, 135, 147.
29. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 141. Л. 8, 108, 109.
30. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 141. Л. 177–181, 203.
31. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 181. Л. 1.
32. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 180. Л. 319–343.
33. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 141. Л. 94.
34. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 251. Л. 10, 11.
35. ОГАЧО. Ф. 1029. Оп. 15. Д. 1769. Л. 81.
36. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 219. Л. 228.
37. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 219. Л. 228; Д. 262. Л. 48–50; Д. 238. Л. 8.